

В. Попов

В поисках новых источников роста. Догоняют ли развивающиеся страны развитые?*

В статье исследуется долговременная траектория роста развивающихся стран. До XVI в. все страны находились примерно на одном уровне экономического развития, но затем страны, которые мы сегодня называем западными, стали расти быстрее остальных. К 1950 г. в США, наиболее развитой стране Запада, показатель ВВП на душу населения по ППС был почти в 5 раз выше, чем в среднем в мире, и почти в 2 раза выше, чем в Западной Европе. Но с 1950 г. рост этого соотношения прекратился: в послевоенный период Западная Европа и Япония приблизились к уровню США по подушевому доходу; Восточная и Южная Азия, а также некоторые страны в других регионах тоже стали сокращать этот разрыв. После почти 500 лет роста разрыва в подушевых доходах Юга и Запада мир, похоже, вступил в период выравнивания уровней развития. В статье анализируются факторы такой неравномерной динамики, сценарии на будущее и последствия для мирового экономического порядка.

Ключевые слова: подушевой доход, Запад, Юг, экономический рост, институциональный потенциал государства, догоняющее развитие.

JEL: N00, O1, O40, O43, O47.

В 1500 г. отношение подушевого дохода в странах, которые впоследствии станут называть Западом (Западная Европа, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия), к подушевому доходу всех других стран (Юг) составляло примерно 1:1, к 1900 г. оно увеличилось до 6:1 и оставалось на этом уровне в последующие 100 лет (при исключении Китая это отношение продолжало возрастать, но не так быстро, как раньше; рис. 1–2).

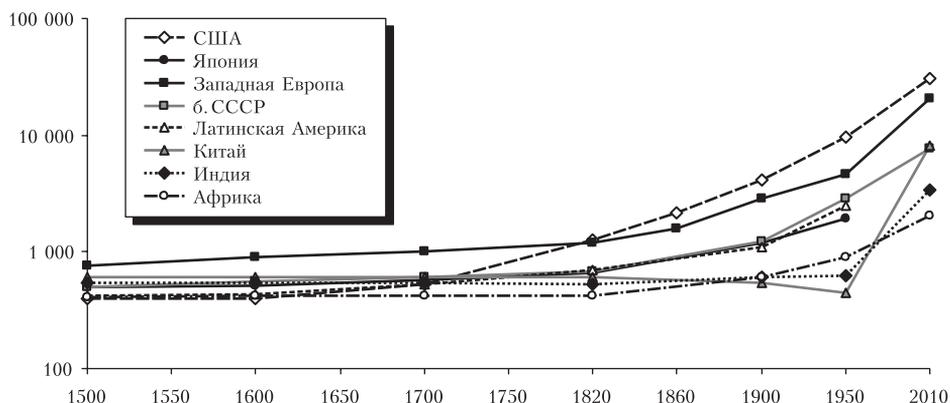
Во второй половине XX в., впервые в истории, мы стали свидетелями успешного догоняющего развития. Япония, Гонконг, Сингапур, Южная Корея, Тайвань (в хронологическом порядке) — единственные

Попов Владимир Викторович (vpopov@nes.ru), д. э. н., проф. РАНХиГС, проф. Emeritus Российской экономической школы (Москва).

* Статья не отражает позицию организаций, с которыми связан автор.

страны и государственные образования, которые были развивающимися, но затем (в 1950—1980-е годы) догнали Запад и превратились в развитые. В последние десятилетия схожую трансформацию переживают страны Юго-Восточной Азии и Китай. Вместе с ускорением роста Индии и некоторых других развивающихся стран такая динамика, похоже, означает, что тенденция к увеличению разрыва в уровне хозяйственного развития между развитыми и развивающимися странами в конце концов, после почти 500 лет, исчерпала себя (Nayyar, 2013; United Nations, 2010).

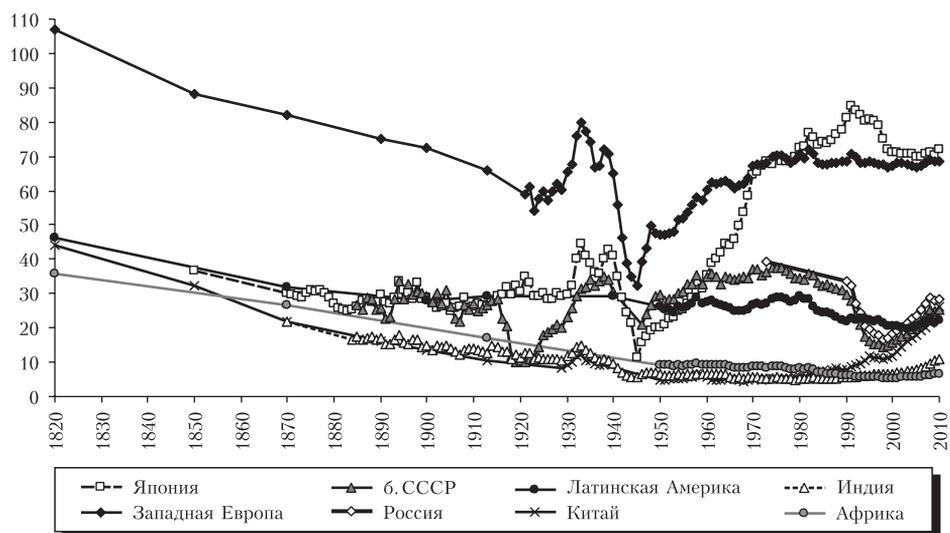
Подушевой ВВП по ППС в основных странах и регионах мира в 1500—2010 гг. (в международных долларах 1990 г., логарифмическая шкала)

Источник: Maddison, 2013.

Рис. 1

Подушевой ВВП по ППС в основных странах и регионах мира в 1820—2010 гг. (в % от уровня США)

Источник: Maddison, 2013.

Рис. 2

В XXI в., возможно, разрыв между Западом и Югом будет сокращаться и в значительной степени сойдет на нет (см. рис. 1–2).

Конечно, другие регионы развивающегося мира (Африка южнее Сахары, Латинская Америка, Восточная Европа и бывший СССР) не только не догоняли Запад, но порой даже отставали от него, особенно в 1980–1990-е годы, когда экономическая политика находилась под сильным воздействием Вашингтонского консенсуса (O’Campo et al., 2007). Однако факт остается фактом: впервые за 500 лет разрыв в *средних* уровнях развития Запада и Юга перестал увеличиваться, а для некоторых крупных развивающихся стран даже сократился. Как отмечается в Обзоре мирового экономического и социального положения ООН за 2014 г., неравенство между странами стало сокращаться с 2000 г. (United Nations, 2014). Это означает изменение тенденции, преобладавшей ранее.

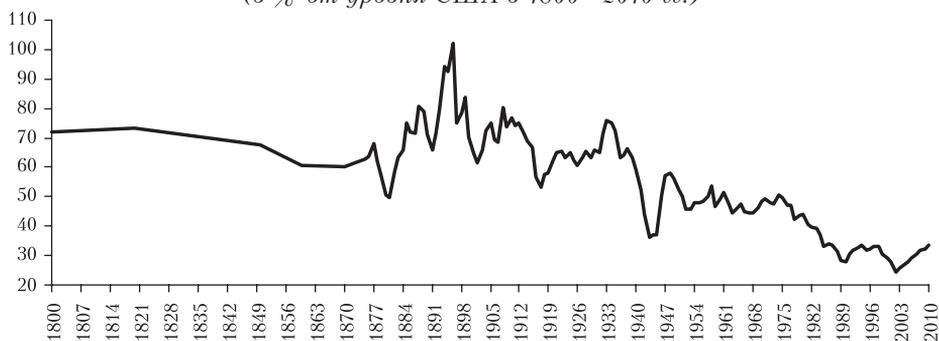
В чем причина подобного изменения? Почему расхождение стран по уровню развития (дивергенция) сменилось выравниванием (конвергенцией)? Нынешняя тенденция временная или долгосрочная? Чтобы ответить на эти вопросы, надо начать с анализа истории успешных и неуспешных попыток догоняющего развития (Попов, 2012; Popov, 2014).

Догоняющее развитие в XX веке

В истории XX в. были случаи отставания одних развитых стран от других: самый известный, закончившийся выбытием из «клуба богатых», — Аргентина (рис. 3). Однако большинство стран, первыми ставших промышленно развитыми в XVIII–XIX вв. (Запад), сохранили свое богатство, а остальные, запоздавшие с индустриализацией (Юг), так и остались относительно бедными (подушевой доход ниже 50% западного уровня), по крайней мере до середины XX в.

Советский Союз в 1930–1960-е годы был первой незападной страной, сумевшей существенно сократить разрыв с Западом по уровню экономического развития. В 1970–1980-е годы успешное догоняющее развитие приостановилось, а в 1990-е годы разрыв увеличился, но до этого успех был несомненным и впечатляющим (рис. 4). В XVI–XIX вв.

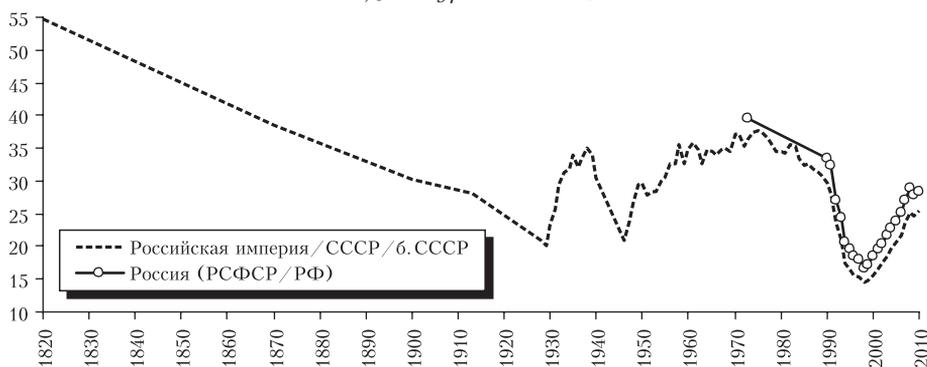
Подушевой ВВП по ППС в Аргентине
(в % от уровня США в 1800–2010 гг.)

Источник: Maddison, 2013.

Рис. 3

Подушевой ВВП по ППС в Российской империи/СССР и России
(в % от уровня США)

Источник: Maddison, 2010; 2013.

Рис. 4

Россия постоянно отставала от Запада — ни реформы Петра I начала XVIII в., ни отмена крепостного права в 1861 г., ни реформы С. Ю. Витте и П. А. Столыпина в начале XX в. не изменили тенденцию к отставанию. Лишь в 1930—1960-е годы Россия (СССР) впервые в истории стала догонять Запад. Причем до 1960-х годов это фактически удалось только двум незападным странам — СССР и Японии.

Почему успешный советский рост замедлился в 1970—1980-е годы — специальный вопрос, до сих пор не имеющий общепризнанного ответа (Easterly, Fisher, 1995). Одно из объяснений состоит в том, что плановая экономика без рыночных механизмов способна поддерживать форсированный рост в лучшем случае на протяжении 20—30 лет, но не больше (Роров, 2007). Китай, начавший переход к рынку в 1979 г., после 20—30 лет плановой экономики, сумел избежать падения темпов роста и даже добился его ускорения. Если бы СССР перешел к рынку в начале 1960-х годов, то быстрый рост в стране, возможно, продолжился бы. Но, конечно, только одной рыночной экономики для обеспечения роста недостаточно.

Некоторые страны Латинской Америки, Африки, Ближнего и Среднего Востока в отдельные периоды сокращали разрыв с Западом, но обычно на непродолжительное время. В 1950—1970-е годы во многих развивающихся странах наблюдались относительно быстрый рост и сокращение разрыва в уровнях развития, но они были отброшены назад в результате долгового кризиса начала 1980-х годов. В этом контексте показательна траектория роста Бразилии (рис. 5). Экономисты стали говорить о «потерянном десятилетии» в Латинской Америке (1980-е годы), а затем и в Африке (1990-е годы).

Первые по-настоящему успешные прецеденты догоняющего развития имели место в Восточной Азии после Второй мировой войны: пять стран/территорий (в хронологическом порядке — Япония, Гонконг, Сингапур, Южная Корея, Тайвань) с подушевым ВВП до войны 10—40% от уровня США после войны сократили свой разрыв с западными странами и присоединились к клубу «богатых» (рис. 6).

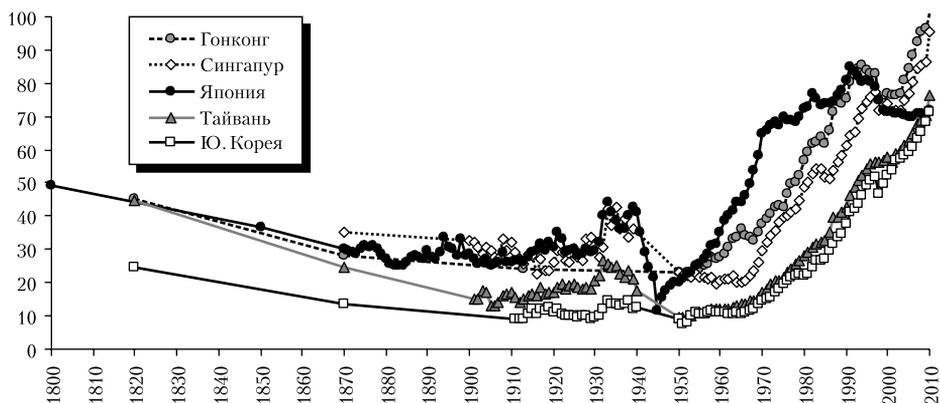
Подушевой ВВП по ППС Бразилии
(в % от уровня США в 1800–2010 гг.)

Источник: Maddison, 2013.

Рис. 5

**Подушевой ВВП по ППС в странах
и территориях успешного догоняющего развития**
(в % от уровня США в 1800–2010 гг.)

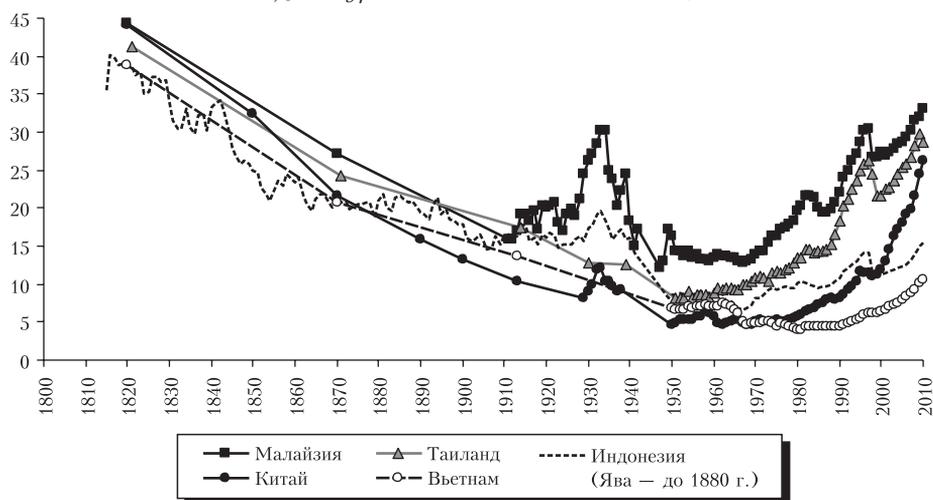
Источник: Maddison, 2013.

Рис. 6

Конечно, Гонконг и Сингапур не вполне показательны, поскольку это города, а не страны, с населением всего несколько миллионов человек. Но другие три примера — бесспорные и до сих пор уникальные случаи успешного догоняющего развития.

И. Валлерстайн назвал быстрый рост Японии, Южной Кореи и Тайваня «развитием по приглашению» (Wallerstein, 1979), имея в виду беспрецедентную по масштабам помощь, предоставленную этим странам США, которые пытались предотвратить распространение коммунизма в Азии. Однако в 1960-е годы ускорение роста началось в Малайзии, Таиланде, Индонезии, в 1980-е — в Китае, в 1990-е — во Вьетнаме (рис. 7). Рост Китая вряд ли можно назвать «развитием по приглашению» (скорее, вопреки ему), а помощь США Южному Вьетнаму не дала тех результатов, что в Ю. Кореи и на Тайване (Gray,

Подушевой ВВП по ППС в странах успешного догоняющего развития «второй волны»
(в % от уровня США в 1800–2010 гг.)

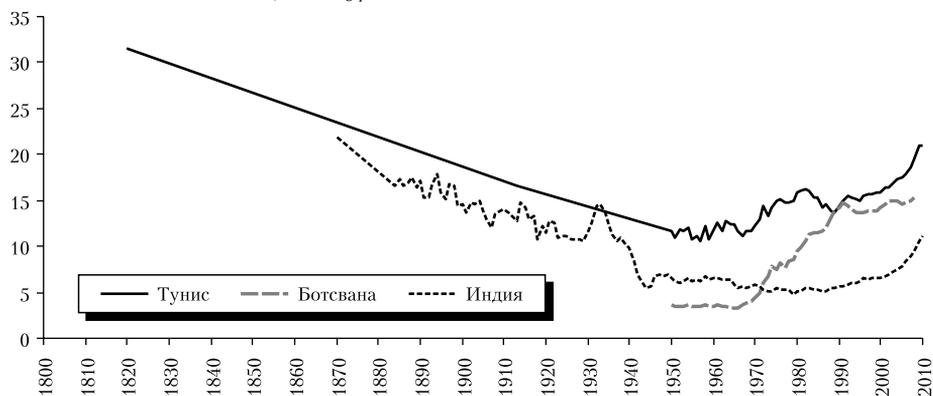
Источник: Maddison, 2013.

Рис. 7

2013); вьетнамское экономическое ускорение связано главным образом с объединением страны в 1975 г. и политикой «дой мой» (постепенные рыночные реформы китайского типа), проводимой с 1986 г.

Не только восточно-азиатские экономики стали догонять Запад в послевоенный период. Быстрый экономический рост наблюдался в Ботсване и Лесото в Африке, в Индии и Шри Ланке в Южной Азии, в Израиле, Омане и Тунисе на Ближнем Востоке (рис. 8). В Европе быстрый рост был отмечен в Греции, Ирландии, Черногории, Португалии, Испании (см. таблицу). Такие регионы развивающегося

Подушевой ВВП по ППС в странах успешного догоняющего развития за пределами Восточной Азии
(в % от уровня США в 1800–2010 гг.)

Источник: Maddison, 2013.

Рис. 8

Наиболее быстрорастущие страны в 1950—2013 гг.
(среднегодовые темпы роста реального подушевого ВВП, %)

Страна/ территория	1950—2010 гг. (Maddison)	1960—2010 гг. (Maddison)	1960—2013 гг. (WDI)
Тайвань	5,54	5,86	
Ю. Корея	5,54	5,91	5,97
Китай	4,93	5,12	6,60
Оман	4,70	4,82	6,48
Гонконг	4,48	4,67	4,17
Ботсвана	4,46 (1950—2008 гг.)	5,07	5,66
Сингапур	4,38	5,19	5,19
Таиланд	4,15	4,42	4,39
Япония	4,14	3,47	3,20
Бирма (Мьянма)	3,80	3,84	2,77 (1960—2004 гг.)
Испания	3,45	3,46	2,69
Греция	3,45	3,13	2,34
Португалия	3,26	3,20	3,04
Израиль	3,25	2,87	2,98
Австрия	3,17	2,65	2,55
Малайзия	3,16	3,84	3,77
Ирландия	3,14	3,33	3,14 (1971—2013 гг.)
Индия	2,87	3,04	3,12
Индонезия	2,97	3,12	3,54
Тунис	2,95	3,16	2,94
Черногория	3,18 (1952—2010 гг.)	3,18	
Лесото	2,88 (1950—2008 гг.)	2,94	3,06
Шри Ланка	2,45	2,88	3,42

Источники: Maddison, 2013; World Development Indicators database.

мира, как Африка южнее Сахары, Латинская Америка, Южная Азия, Ближний и Средний Восток, хотя и не сократили после 1950 г. разрыв с Западом, сумели в значительной степени приостановить его увеличение, которое происходило раньше.

Экономический рост, экономическая политика и госинституты

Вопрос, почему одни страны растут быстрее других, центральный в экономике. По существу, это главный вопрос «о природе и причинах богатства народов» (Smith, 1776), ответ на который экономическая наука пытается найти с момента своего возникновения. В исторической ретроспективе этот вопрос часто формулируют так: «почему Запад разбогател раньше других?» и «почему некоторые развивающиеся страны догоняют Запад, а другие нет?» (Попов, 2012). Однако консенсуса среди экономистов по вопросу о том, какая именно экономическая

политика нужна для поддержания высоких темпов экономического роста, к сожалению, нет (Роров, 2011а).

Говорят, что у победы много родителей, а поражение всегда сирота. Неудивительно, что экономисты как неоклассического, так и кейнсианского и дирижистского толка заявляют, что развитие стран Юга, преуспевших в экономическом росте, подтверждает именно их экономические конструкции. В литературе можно встретить противоположные объяснения быстрого экономического роста: экономическая либерализация и свободная торговля считаются ответственными за рост в одних странах, а успех других относят на счет протекционизма и промышленной политики. Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) обычно включают в число факторов роста, но Япония в 1960—1970-е годы, Южная Корея в 1970—1980-е и Китай в 1990-е годы росли, не привлекая значительные объемы ПИИ. Приватизация госпредприятий, иностранная помощь, либерализация финансовой системы, демократизация политики и общественной жизни — все эти и многие другие факторы часто называют в качестве необходимых условий быстрого роста, однако легко привести примеры «экономических чудес», к которым эти факторы не имели никакого отношения¹. До сих пор продолжаются споры и в отношении официальной помощи развитию: способствует она экономическому росту или просто вытесняет внутренние сбережения и инвестиции (United Nations, 2003; Channing et al., 2010)?

В 1970-е годы завораживающий экономический успех Японии, превратившейся в развитую страну всего за два послевоенных десятилетия, часто объясняли нарушением принципов свободного рынка, организацией страны как единой компании («Japan incorporated») — специальными отношениями между а) правительством и фирмами (всевластие MITI — Министерства международной торговли и промышленности), б) банками и нефинансовыми компаниями (германо-японская финансовая система — Попов, 2011, гл. 6) и в) работодателями и наемными работниками (пожизненный наем). После стагнации 1990-х годов и особенно после азиатского финансового кризиса 1997 г., который затронул и Японию, эти специальные отношения стали рассматривать как проявления «кланового капитализма» (crony capitalism), вызывающего стагнацию (Роров, 2008).

Одна из причин того, что противоречивые рецепты ускорения роста «работают», состоит в следующем: реформы, нужные для стимулирования роста, в разных странах различаются и зависят от стадии развития и предшествующей истории преобразований (Polterovich, Rorov, 2005; 2006). Для экономического прорыва необходимо наличие всех ингредиентов быстрого роста. Р. Хаусманн с соавторами в работе «Диагностика

¹ Часто даже одни и те же международные организации предлагали противоречивые рекомендации для стимулирования роста. Так, в докладе Всемирного банка «Восточно-азиатское чудо» признавалась роль государства и промышленной политики в стимулировании роста (World Bank, 1993), но в докладе о мировом развитии 1996 г. подчеркивалось, «что последовательная политика, сочетающая либерализацию рынков, торговли и создания новых предприятий с разумной стабильностью цен, способна достичь очень многого даже в странах, в которых отсутствуют четко определенные права собственности и сильные рыночные институты» (World Bank, 1996. P. 142). Следующий доклад о мировом развитии был озаглавлен «Государство в меняющемся мире», в нем сделан вывод о ключевой роли госинститутов для экономического роста (World Bank, 1997).

роста» отмечают, что для «экономического чуда» требуется множество условий и даже при отсутствии одного из них «чуда» не случится (Hausmann et al., 2005). Нужны и аграрные реформы, и выверенная макроэкономическая политика, и человеческий капитал, и инфраструктура, и работающие институты, и конкуренция, и экономические стимулы (либерализация). Грамотный экономист должен ответить на вопрос, чего именно не хватает в данной стране, проведя диагностику роста. Скажем, в Африке не хватает сильных институтов, дорог и кадров, хотя либерализации достаточно. В Китае, наоборот, при Мао создали и инфраструктуру, и сильные институты, обеспечили всеобщую грамотность населения. Не хватало только стимулов, и когда при Дэне была осуществлена либерализация, случилось то самое «экономическое чудо». Соответствующая политика в каждой стране своя: в одном случае ускорение роста вызвано либерализацией, в другом — усилением госрегулирования (Роров, 2014. С. 5).

Есть, однако, другой подход к вопросу о быстром росте — анализ не направлений экономической политики в быстрорастущих странах, а институтов, которые стимулировали или, по крайней мере, позволили осуществить нужные меры. Такие меры для ускорения роста в разных странах могут быть различными, даже противоположными, но условия, делающие возможным их принятие, схожи. Одно из таких важнейших условий — наличие эффективных госинститутов, которые — для целей настоящей статьи — определяются как способность правительств проводить в жизнь законы и предписания. Субъективные измерители институционального потенциала государства — индексы эффективности правительства, правопорядка, коррупции и проч. — имеют ряд недостатков (Роров, 2011b), поэтому ниже используются два объективных показателя — уровень преступности (в частности, убийств, которые хорошо регистрируются как в развитых, так и в развивающихся странах) и доля теневой экономики. По сути, речь идет о способности правительства обеспечить две важнейшие монополии, делающие государство государством, — на насилие и на сбор налогов.

Общее правило таково, что во всех развитых странах и развивающихся странах Восточной и Южной Азии, Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки число убийств составляет менее 10 (как правило, 1–5) на 100 тыс. человек населения, а доля теневой экономики — менее 30% ВВП, тогда как в странах Африки южнее Сахары, Латинской Америки и в некоторых бывших советских республиках (страны Балтии, Белоруссия, Казахстан, Молдавия, Россия, Украина) уровень убийств, как правило, выше на порядок (10–100 на 100 тыс. жителей), а доля теневой экономики значительно превышает 30% ВВП. Экономический рост в странах Юга сильно коррелирует с уровнем убийств и долей теневой экономики: чем хуже эти показатели институциональной силы государства, тем ниже рост ВВП на душу населения. Восточная Азия опережает всех по экономическому росту, за ней следуют Южная Азия и Ближний и Средний Восток, а за ними — Латинская Америка, Африка южнее Сахары и бывший СССР.

Показатели институциональной силы государства — уровень убийств и доля теневой экономики — лучше всего предсказывают долгосрочные

темпы роста подушевого ВВП. В регрессиях за 50-летний период (1960–2013 гг.) для 80 стран, по которым имеются данные, почти 40% вариации в темпах прироста подушевого ВВП объясняется уровнем развития (ВВП на душу населения по ППС в 1975 г.) и двумя институциональными показателями — уровнем убийств и долей теневой экономики². Эти регрессии очень устойчивы и работают для разных подпериодов — 1960–1975 гг., 1975–2000 гг., 2000–2013 гг. Среди показателей, прямо не связанных с ростом подушевого ВВП (таких как доля инвестиций в ВВП или темпы роста населения), институциональные индикаторы предсказывают рост лучше, чем любые другие. Отрицательная зависимость темпов роста ВВП в расчете на душу населения от уровня убийств и доли теневой экономики отчетливо видна на рисунках 9–10.

Обычное возражение против таких регрессий роста состоит в том, что объясняющие показатели силы институтов эндогенны, то есть не только влияют на рост, но и сами находятся под его воздействием. Данные по убийствам и теневой экономике относятся к 2002 и 2005 г. соответственно, то есть к самому концу исследуемого периода экономического роста (1960–2013 гг.), что, конечно, заставляет сомневаться в результатах, так как причина должна предшествовать следствию во времени. Однако данные об убийствах и теневой экономике за более ранний период большей частью отсутствуют³, и альтернативный расчет с резонным числом наблюдений (40) можно сделать только для очень короткого периода (2000–2013 гг.). Результаты такого расчета с данными по теневой экономике и убийствам за 1990-е годы очень убедительны⁴, но период 2000–2013 гг. слишком непродолжительный, чтобы делать выводы о долгосрочном экономическом росте.

$${}^2 y = -0,0003^{***} Y_{cap75} - 0,03^{*} MURDERS - 0,14^{***} SHADOW + 5,32^{***}$$

(-4,95) (1,67) (-4,82) (8,55)

$N = 80$, $R^2 = 0,38$, T -статистика в скобках под коэффициентами, *** значимость на уровне 1%; ** – 5%; * – 10%;

$$y = 0,003^{***} POPDENS - 0,0002^{***} Y_{cap75} - 0,023 MURDERS -$$

(4,08) (-4,33) (-1,62)

$$- 0,067^{***} SHADOW + 5,04^{***}$$

(-4,40) (7,67)

$N = 80$, $R^2 = 0,40$, обозначения те же; y — среднегодовые темпы прироста ВВП на душу населения в 1960–2013 гг., %; $POPDENS$ — число жителей в расчете на 1 кв. км территории в 2000 г.; Y_{cap75} — подушевой ВВП по ППС в 1975 г., долл.; $MURDERS$ — число убийств в расчете на 100 тыс. жителей в 2002 г.; $SHADOW$ — доля теневой экономики в ВВП в 2005 г., %.

Данные о темпах роста ВВП, плотности населения, ВВП на душу населения взяты из базы данных Всемирного банка, данные об уровне убийств — из статистики, собираемой Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), данные о теневой экономике — из работы Schneider, 2007, в которой используется несколько методов оценки ее доли (на основе различий в динамике роста ВВП и потребления электроэнергии, спроса на реальные кассовые остатки и т. д.).

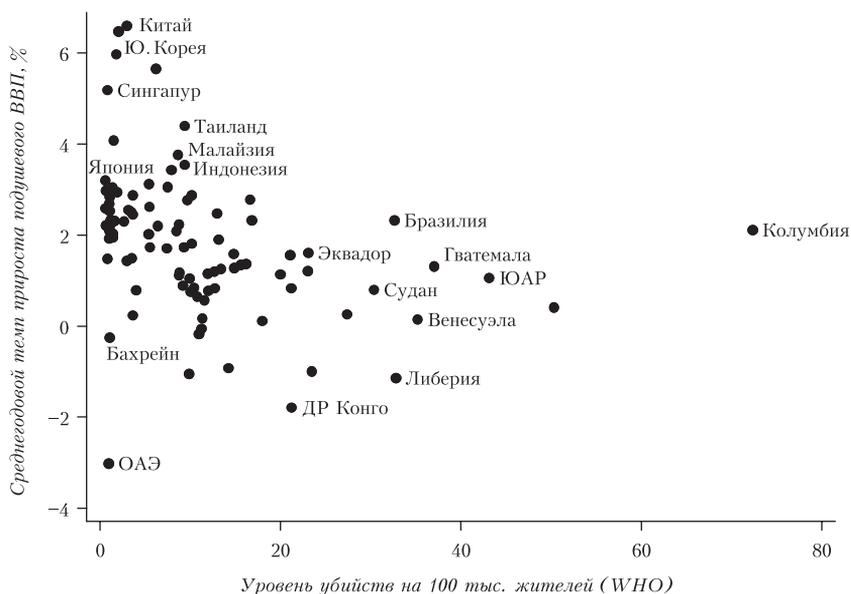
³ Эти регрессии дают хорошие результаты для периода 1975–2013 гг. с использованием данных об уровне убийств и доле теневой экономики в 1990-е годы. Однако число наблюдений — всего 20–30.

$${}^4 y = 6,58^{***} \log Y_{cap1999} - 0,040^{**} MURDERS - 0,042^{***} SHADOW + 30,71^{***}$$

(5,26) (-1,99) (-2,03) (5,48)

$N = 43$, $R^2 = 0,64$, обозначения те же; y — среднегодовые темпы прироста ВВП на душу населения в 2000–2013 гг., %; уровень убийств в 1990-е годы — оценки ВОЗ; доля теневой экономики — оценки Friedman et al., 2000.

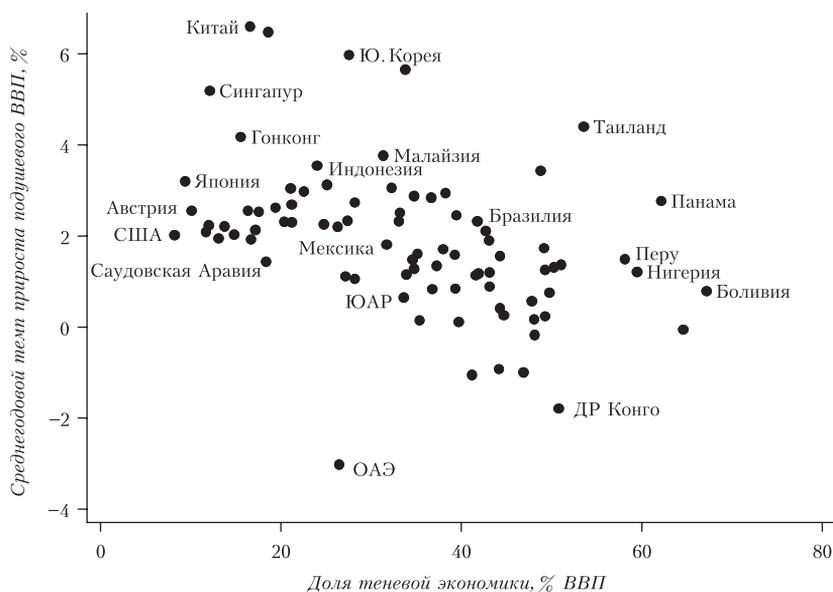
**Уровень убийств в 2002 г. (в расчете на 100 тыс. жителей)
и среднегодовые темпы прироста подушевого ВВП
в 1960—2013 гг. (в %)**

Источники: WDI; WHO.

Рис. 9

**Доля теневой экономики в ВВП в 2005 г.
и среднегодовые темпы прироста подушевого ВВП
в 1960—2013 гг. (в %)**

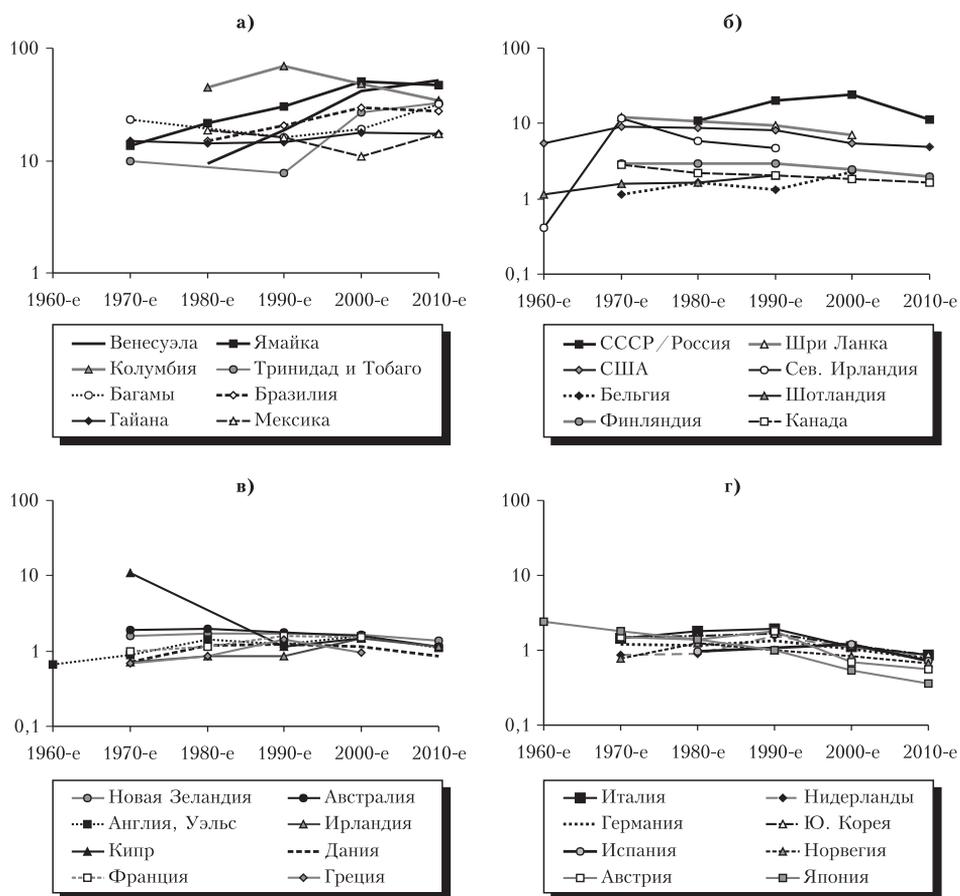

Источники: WDI; Schneider, 2007.

Рис. 10

Для преодоления искажений, порождаемых эндогенностью, обычно используют инструментальные переменные, но найти показатели, которые не коррелируют с экономическим ростом, но коррелируют с уровнем убийств и долей теневой экономики, практически невозможно. Аргументом в пользу верности расчетов может служить то, что за последние 50 лет уровень убийств в большинстве стран не изменился кардинально (по теневой экономике таких данных нет), и возражение об эндогенности теряет силу: экономический рост не влияет на уровень убийств или влияет так медленно, что изменения за полвека не слишком значительны. Данные на рисунке 11 частично подтверждают такое заключение: в большинстве стран уровень убийств оставался примерно неизменным в 1960–2013 гг.; исключения составляют Ямайка (рост убийств в 4 раза в 1960–2013 гг. и резкое замед-

Среднегодовой уровень убийств в 1960–2013 гг. по десятилетиям в расчете на 100 тыс. жителей (логарифмическая шкала, все страны, по которым имеются данные по крайней мере за три десятилетия)

Источник: List of countries by intentional homicide rate, Wikipedia. http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_intentional_homicide_rate. В основном данные взяты из статистики причин смертности, собираемой ВОЗ, реже — из других источников, которые не вполне сопоставимы.

Рис. 11

ление экономического роста), страны и территории с гражданскими конфликтами (Северная Ирландия в 1960-е годы, Кипр в 1970-е) и/или осуществлявшие переход от социализма к капитализму (Россия и другие бывшие республики СССР в 1990-е годы). Ни в одной из этих стран не наблюдалось быстрого роста.

Таким образом, вопрос об источниках роста сводится к факторам, определяющим институциональный потенциал государства, который оказывается столь важным для экономического роста. Почему одни страны могут поддерживать эффективные госинституты на протяжении десятилетий, пожиная плоды в виде быстрого экономического роста, а другие, наоборот, попадают в ловушку «плохие институты — низкий рост»?

Генезис институтов

В статье с характерным названием «Институты правят бал» авторы исследовали, как влияют на экономический рост три фактора: географические условия, институты и внешняя торговля (Rodrik et al., 2004). Проблема, конечно, в том, что все эти факторы взаимосвязаны — и между собой, и с экономическим ростом. Поэтому авторы применяют специальные эконометрические инструменты: для институтов — поселенческую смертность, для доли внешней торговли в ВВП — расчетную долю на основе гравитационной модели. В результате они приходят к выводу, что важнее институтов ничего нет. Институты в значительной степени, хотя и не целиком, определяются географией и, в свою очередь, определяют вовлеченность страны во внешнюю торговлю. Прямое воздействие географии на рост (а не опосредованное — через влияние на институты) оказывается незначимым.

Различия с географическим детерминизмом здесь очевидны, но имеются и отличия от школы колониального происхождения институтов (Acemoglu et al., 2001). Как считают Родрик с соавторами, поселенческая смертность может быть хорошим эконометрическим инструментом предсказания качества институтов, но не фактором, определяющим его. Выявить эконометрический инструмент не означает обнаружить причину. Родрик объясняет это следующим примером: различия в подушевом ВВП стран, которые никогда не были колониями (Эфиопия, Афганистан, Турция, Таиланд, Япония), не менее значительны, чем расхождения в подушевом ВВП стран с колониальным прошлым; как объяснить эти отличия в первых (Rodrik, 2004)?

Существует две основные школы мысли — назовем их условно традиционная и ориенталистская — в объяснении экономического возвышения Запада. Первая придает ключевое значение институтам, вторая — нет. Первая подчеркивает закономерный характер процесса, вторая, напротив, делает акцент на стечении обстоятельств, исторической случайности. Первая, более традиционная трактовка (Landes, 1998; Мокур, 2002 — видимо, самые известные современные авторы) состоит в том, что отдельные социальные новации или вся

их совокупность незадолго до и сразу после XVI в. привели к ускорению развития Запада. Среди этих социальных новаций — отмена крепостного права и личная свобода, разрушение соседской общины и огораживание, образование свободных городов, протестантская этика, Magna Carta, университеты, свобода дискуссии и беспрепятственный обмен идеями и т. д.

Сторонники второго подхода (Diamond, 1997; Pomeranz, 2000; Wong, 1997 — лишь некоторые современные авторы) считают, что особых отличий в развитии Запада и Востока до XVIII в. не было. Даже в XVIII в., по мнению К. Померанца, Китай не уступал Европе в том, что касается технологий, уровня потребления, развития институтов, которые могли поддерживать технологические новшества (корпорации, финансовые учреждения, способные мобилизовать большие объемы капитала). То, что в Англии произошло ускорение роста, а в Китае — нет, объясняется, по его мнению, стечением довольно случайных обстоятельств — наличием в Англии месторождений железной руды и угля в непосредственной близости друг от друга и большим оттоком населения из Европы после открытия Америки.

Недостаток традиционных объяснений, однако, в том, что они не дают ответа на вопрос: почему Англия и северо-западная Европа не смогли вырваться из ловушки отсталости до XVI в. и почему другие страны вырвались гораздо позже, а некоторые не вырвались до сих пор? В самом деле, если отказ от традиционных общинных институтов дает такое ускорение экономического роста, почему этого не случилось ранее в Древней Греции, Риме, Византии, Китае, Индии? Почему в Древней Греции и Риме с высоким уровнем гарантий прав личности и предпринимательства, со свободными дискуссиями и обменом идеями не произошла своя промышленная революция? И почему после перехода Запада в режим быстрого экономического роста другие страны не смогли совершить такой же прорыв?

Альтернативная гипотеза (Попов, 2012; Роров, 2014), принимаемая в настоящей статье и объясняющая генезис институтов и их эволюцию, состоит в том, что до XVI в. коллективистские институты, прежде всего община, но и государство, руководствовались «азиатскими ценностями» — приоритетом интересов коллектива над интересами индивидуума, — обеспечивали низкий уровень неравенства (Milanovic et al., 2008). Это означало невысокую норму сбережений и инвестиций (бедная часть населения физически не могла делать сбережения), что создавало порочный круг: низкие сбережения и инвестиции => низкая и не повышающаяся капиталовооруженность => низкая и не растущая производительность труда => низкая норма накопления. Даже если производительность труда и/или норма накопления по какой-то причине и возрастали, начинал действовать другой механизм: ускорение роста населения при повышении уровня жизни, «съедавшее» повышение капиталовооруженности и производительности труда (мальтузианская ловушка).

Попытки выйти из мальтузианской ловушки предпринимались не раз, в том числе в Древней Греции и Риме и в Византии, но, видимо, вели только к поражениям этих стран в войнах с более примитивными,

но более приверженными «азиатским» (общинным, коллективистским) ценностям захватчиками. Разрушение традиционных (общинных) институтов и приоритетная защита интересов индивидуума, а не общины, вели к росту доходного и имущественного неравенства, что позволяло увеличить сбережения, инвестиции, капиталовооруженность и производительность труда, но лишь ценой поляризации общества и замедления роста и даже сокращения населения — основы могущества наций в мальтузианском режиме роста.

Такой эксперимент при низком уровне доходов мог быть успешным только случайно: нужно было, чтобы два-три столетия драматических социальных перемен с ростом неравенства и крайней бедности не привели ни к разрушительным внутренним бунтам, ни к ослаблению государства и иностранному завоеванию. И, похоже, такая случайность материализовалась в Англии в XVI—XVIII вв. в период огораживания, а затем и в остальной северо-западной Европе. Механизм выхода Запада из мальтузианской ловушки, начиная с XVI в., не был уникальным. Уникальность была в том, что Запад смог продержаться два-три века, не завоеванный соседями с более традиционными институтами, пока производительность труда не выросла к началу XIX в. более чем в два раза с соответствующими последствиями для военной мощи. Таким образом, Запад вырвался из мальтузианской ловушки не столько благодаря своей изобретательности, рожденной свободными университетами и правовыми гарантиями, сколько благодаря жестокости в переделе собственности, который позволил повысить норму сбережений, тратить больше средств на изобретения и реализовать их «в металле» через возросшие инвестиции.

После выхода Запада из мальтузианской ловушки прочие страны (Юг), включая самые развитые (Китай), еще долгое время оставались

Три варианта выхода из мальтузианского режима роста

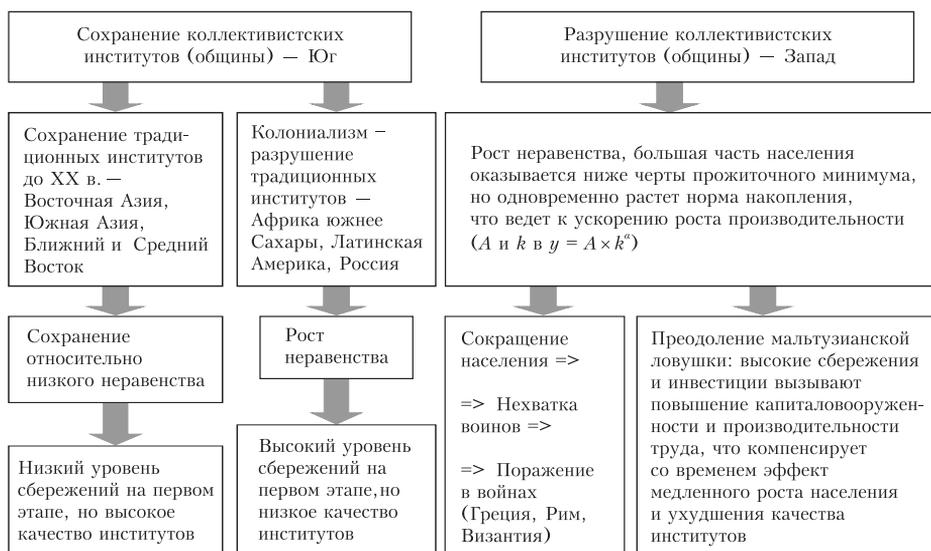
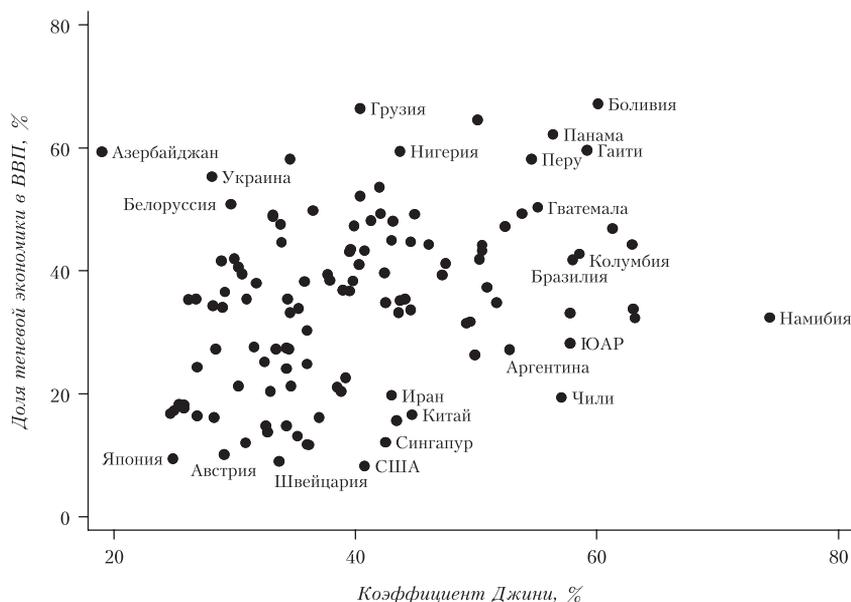

Рис. 12

в мальтузианском режиме роста. Но колониальная экспансия Запада разделила Юг на два типа стран (рис. 12). В Африке южнее Сахары, в Латинской Америке, во многих странах бывшего СССР произошло полное или почти полное разрушение традиционных институтов (общины); они были заменены, но только частично, новыми институтами личной ответственности, импортированными с Запада. Напротив, Восточная Азия, Ближний и Средний Восток и в значительной степени Южная Азия смогли, вопреки колониализму, в большей степени сохранить традиционные коллективистские институты. Можно предположить, что в таких странах и регионах не было роста доходного неравенства и нормы накопления, но в них сохранилась институциональная преемственность, которая обеспечила высокое качество институтов. Другие страны мировой периферии, которые попытались воспроизвести западную модель выхода из мальтузианской ловушки и где развитие традиционных институтов было прервано, заплатили цену в виде ухудшения качества и эффективности этих институтов (см. рис. 12).

В развивающемся мире сегодня мы находим два типа стран. В одних — относительно низкий уровень неравенства, теневой экономики и убийств (1–3 человека на 100 тыс. жителей — Восточная Европа, Восточная Азия и Ближний и Средний Восток), в других — относительно высокий уровень этих показателей (15–75 убийств на 100 тыс. жителей в европейских республиках бывшего СССР и Казахстане, в Латинской Америке и Африке южнее Сахары) (рис. 13–14).

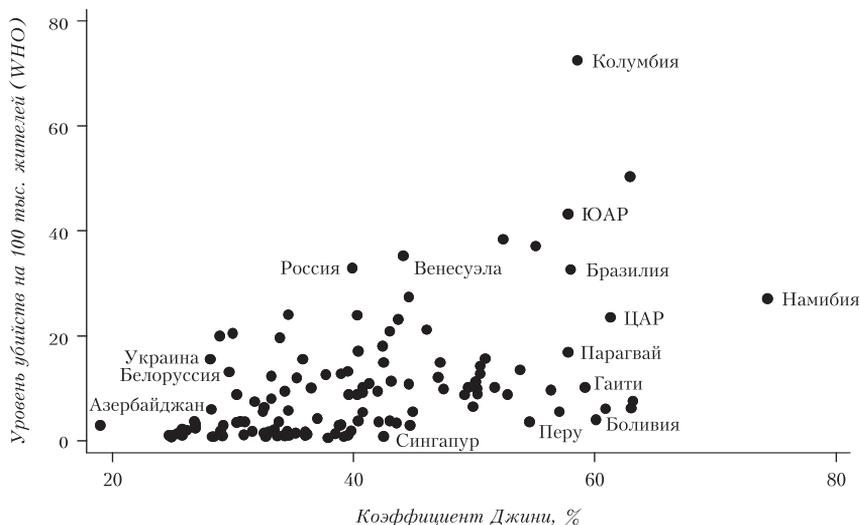
**Доля теневой экономики в ВВП в 2005 г.
и коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)
в 1990–2005 гг. (в %)**

Источники: Schneider, 2007; WDI.

Рис. 13

Уровень убийств и коэффициент Джини в 1990—2005 гг. (в %)

Источники: WHO; WDI.

Рис. 14

Юг и Запад в 2060 году

По некоторым прогнозам, из-за коррупции, плохих институтов и отсутствия структурных реформ темпы роста стран с формирующейся рыночной экономикой замедлятся по сравнению с нетипично благоприятным периодом 2000—2012 гг. (Åslund, 2013). Но обычно такие прогнозы основаны на предположениях о проведении или непроведении политики, которая, как считается, благоприятствует росту. В 1960 г. П. Розенштейн-Родан, один из авторов теории «большого скачка», выделил Индию, Бирму, Аргентину и Гонконг как страны, которые с большой вероятностью достигнут ежегодного прироста реального душевого ВВП 3% в следующие пять лет. Первые три страны достигли прироста только 1,5%, а Гонконг, наоборот, превзошел ожидания. В те же годы другие наблюдатели называли в числе стран с благоприятными перспективами роста Гану, Египет, Иорданию, Чили, но никто не упоминал о Ю. Корее и Тайване (Тоуе, 1987).

Сегодня традиционный взгляд состоит в том, что наилучшие условия для быстрого роста на Юге складываются в демократических странах, поощряющих индивидуальные свободы и предпринимательство, таких как Бразилия, Индия, Мексика, Турция, а быстрорастущим в последние десятилетия авторитарным режимам — Вьетнам, Иран, Китай, — видимо, суждено в будущем испытать замедление роста, если не кризис. Однако представим, что дискуссия о вероятности «экономических чудес» происходит в 1960 г.: одни делают ставку на свободные демократические страны Латинской Америки и Индию, другие — на авторитарные (иногда даже коммунистические) страны

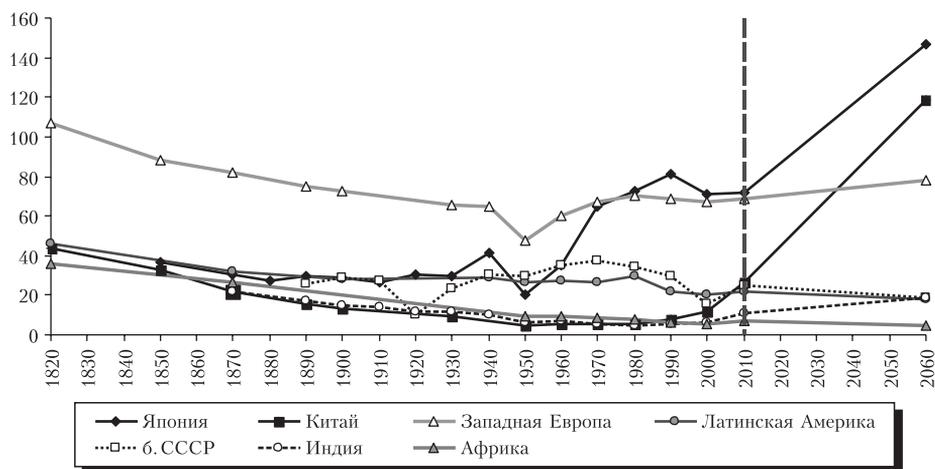
Восточной Азии (Ю. Корея, КНР, включая Тайвань и Гонконг) с сильным госрегулированием и промышленной политикой...

Если темпы роста стран и регионов последних 50 лет (1960—2010 гг.) сохранятся еще в течение полувека (2010—2060 гг.), то мир будет сильно отличаться от сегодняшнего (рис. 15): подушевой ВВП Китая и Японии будет выше американского, так что при населении в пять раз больше их совокупный ВВП будет примерно в шесть раз выше американского. Если же Индия и другие бедные страны продолжают подтягиваться к США по уровню душевого дохода, то на США, Европу и Японию в 2060 г. придется менее 20% мирового экономического потенциала.

Возвышение Азии, особенно Китая, обычно обсуждают в терминах геополитики — новые сверхдержавы, многополярный мир, смена глобального лидерства — или как фактор увеличения мирового спроса на ресурсы и выбросов загрязняющих веществ. Но возможны и другие, менее очевидные, но не менее важные последствия.

Во-первых, возвышение Китая может стать поворотной точкой всего мирового развития как для Юга, так и для Запада, поскольку впервые в новой истории крупномасштабный экономический успех был достигнут на базе автохтонной, незападной модели, базирующейся на нелиберальных, если не сказать антилиберальных, принципах — на «азиатских ценностях», поддерживаемых коллективистскими по сути институтами. После краха СССР китайская модель стала самой притягательной для развивающихся стран — от Бразилии до Фиджи. Все больше экономистов и политиков в разных странах Юга признают, что не только рынок, но и правительство должно внести свой вклад в экономический успех, в частности путем проведения экспортоориентированной промышленной политики, то есть создания налоговых, кредитных, таможенных и прочих преференций для пе-

Подушевой ВВП по ППС при предположении, что темпы роста в 1960—2010 гг. сохранятся в 2010—2060 гг. (в % от уровня США)

Источник: Maddison, 2013.

Рис. 15

редовых отраслей и предприятий, нацеленных на внешние рынки. Эта дирижистская модель рыночной экономики — отнюдь не плановое хозяйство советского образца, но она имеет мало общего и с повсеместной рыночной либерализацией, предлагаемой сторонниками Вашингтонского и даже пост-Вашингтонского консенсуса.

Теперь, в XXI в., успех Китая может сделать эту дирижистскую модель не просто привлекательной для стран Юга, но и вполне легитимной. Не исключено, что мы станем свидетелями «триумфального шествия» новой парадигмы роста как в экономической теории, так и в экономической политике. Не все страны обладают необходимым компонентом китайской модели — сильным институциональным потенциалом, но у некоторых он есть (Ближний и Средний Восток), а те, у которых его нет, получают новый стимул к снижению неравенства и укреплению институтов.

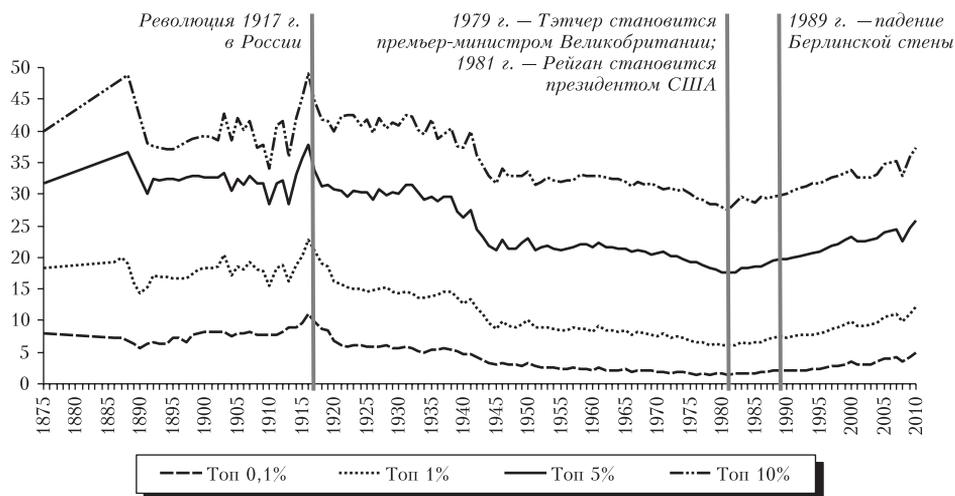
Возможно, что тенденция последних трех десятилетий к росту неравенства внутри стран (рис. 16; см. подробнее: Jomo, Porov, 2015) будет приостановлена из-за распространения китайской модели. До сих пор, несмотря на существенный рост неравенства в Китае после 1985 г. (коэффициент Джини достиг 47—49% в 2002—2013 гг.)⁵, уровень этого неравенства, видимо, относительно невысокий, принимая во внимание огромный размер страны⁶ (Porov, 2014). В XX в. рост доходного и имущественного неравенства был ограничен такими сдержками и противовесами, как пример социалистических стран и массовые общественные движения в капиталистических странах, заставлявшие западные правительства реализовывать программы роста благосостояния. В XXI в. распространение конкурентоспособных дирижистских моделей роста с низким неравенством на глобальном Юге может послужить фактором, противодействующим тенденции к увеличению неравенства с начала 1980-х годов, после утраты советской коллективистской моделью социального динамизма.

Во-вторых, возвышение Китая может привести к кардинальному реформированию мирового экономического порядка и международных отношений. Торговый протекционизм, промышленная политика, занижение валютного курса через ускоренное накопление валютных

⁵ Это данные первого обследования домохозяйств, которое основано на репрезентативной выборке как сельских, так и городских районов (Zhao Qian. NBS reveals Gini coefficient methods. *Global Times*, February 4, 2013). Ранее обследования сельских и городских местностей проводились раздельно, а общенациональный коэффициент Джини рассчитывался исследователями на основе тех или иных предположений и был, как правило, немногим более 40%.

⁶ Большая по размерам территории и населения страна состоит из более мелких стран — провинций, так что неравенство в Китае складывается из неравенства внутри провинций и между провинциями. Например, три китайские провинции (Гуандун, Шаньдун и Хэнань) имеют население более 90 млн человек, еще 7 провинций — более 50 млн, то есть больше, чем многие суверенные страны, поэтому Китай логично сравнивать с такими многострановыми регионами, как Евросоюз (ЕС) или АСЕАН. В ЕС-27 в 2005 г. коэффициент Джини составлял около 40%, причем 23 п. п. приходилось на неравенство между странами. В Китае (33 региона провинциального уровня без Тайваня) он был чуть выше 40% (этот подсчет отличается от более позднего, репрезентативного) и 24 п. п. приходилось на межпровинциальное неравенство. В США коэффициент Джини был близким — порядка 40%, но только 6 п. п. приходилось на неравенство между штатами (Milanovic, 2012). Если Китай сможет сократить разрыв в уровнях развития между провинциями, то общее неравенство резко снизится.

Доля в совокупных доходах наиболее состоятельных групп населения — невзвешенная средняя для 18 западных стран*

* Австралия, Великобритания, Германия, Дания, Ирландия, Канада, Испания, Италия, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Португалия, США, Швейцария, Швеция, Финляндия, Франция, Япония.

Источник: The World Top Incomes Database. <http://g-mond.parisschoolofeconomics.eu/topincomes>. 2012. April 25.

Рис. 16

резервов (вариант промышленной политики), контроль над международным движением капитала (не только кратко-, но и долгосрочного, в том числе прямых иностранных инвестиций) — все эти меры, до сих пор рассматривающиеся как «нетрадиционные», могут стать респектабельными и легитимными инструментами экономической политики. За такой «реабилитацией» могут последовать пересмотр режима защиты прав на интеллектуальную собственность и передачи технологий, принятие новых правил международной миграции, торговли топливом и ресурсами и регулирования выбросов загрязняющих веществ (пересмотр Киотского протокола), реформа международной валютно-финансовой системы (Montes, Popov, 2011).

На фоне возрастания экономической мощи стран Юга логично ожидать, что они будут добиваться этих и других изменений в международных экономических отношениях (Arrighi, 2007). В результате мирохозяйственный порядок может стать гораздо более благоприятным для ускоренного роста развивающихся стран и их превращения в развитые.

Новый мировой экономический порядок — требование развивающихся стран в 1970—1980-е годы, после первого (1973 г.) и второго (1979 г.) нефтяных шоков, — возможно, снова будет включен в повестку дня отношений Запад—Юг по мере становления новых институтов развивающихся стран (БРИКС и Новый банк развития, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций). Демократизация международных экономических отношений практически неизбежно ведет к принятию «правил игры», более благоприятных для развивающихся стран,

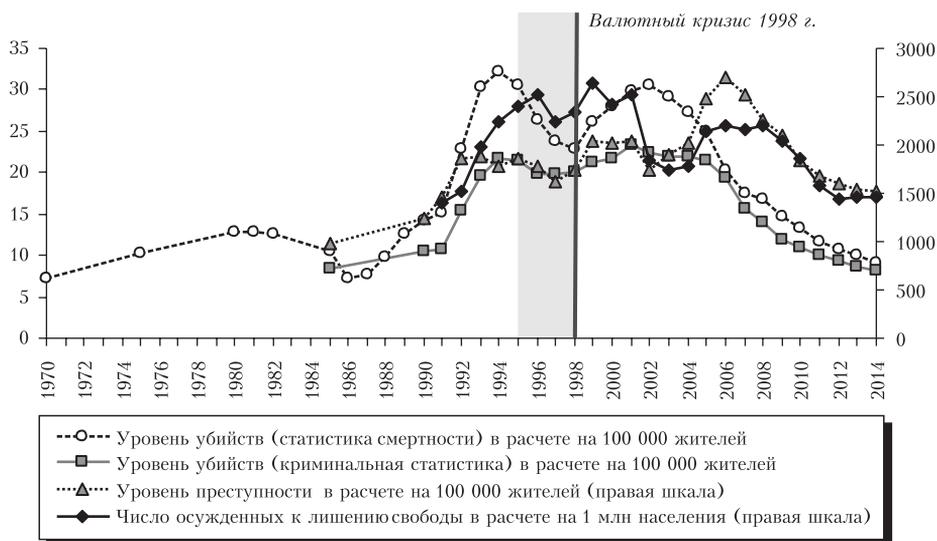
что в сочетании с распространением китайской экономической модели может в конечном счете сделать глобализацию выгодной не только для богатых, но и для бедных стран.

Кроме того, нормы международных неэкономических отношений также могут измениться. «Пекинский консенсус», может быть, пока и не строгое понятие (Ramo, 2004), но китайский подход к международным отношениям (невмешательство во внутренние дела других стран, неучастие в военных интервенциях, неприменение санкций и эмбарго) предоставляет развивающимся странам реальную альтернативу сегодняшнему мировому порядку. Будущие правила международных отношений могут основываться на двух новых принципах: 1) запрет одностороннего применения силы (без санкций ООН); 2) применение силы только при массовых нарушениях прав человека (массовые репрессии, голод, этнические и прочие конфликты и т. д.), но не против либеральных авторитарных режимов «для установления демократии».

Как и чисто экономические последствия возвышения Юга, эти изменения в международной политике будут способствовать экономическому подъему развивающихся стран и выравниванию уровней развития между «богатыми» и «бедными». Если такая интерпретация верна, то следующие «экономические чудеса», возможно, произойдут в Южной Азии и на Ближнем и Среднем Востоке. Но в конце концов и Латинская Америка, и Россия, и Африка догонят Запад по уровню развития.

В России в последние десять лет существенно снизились уровни преступности, убийств и число приговоров суда к лишению свободы:

Число убийств в расчете на 100 тыс. жителей, число преступлений в расчете на 100 тыс. жителей и число осужденных к лишению свободы в расчете на 1 млн человек в России

Источник: Федеральная служба государственной статистики.

Рис. 17

практически эти показатели вернулись к уровню позднего СССР — 10 убийств в расчете на 100 тыс. человек населения, 1500 преступлений в расчете на 100 тыс. жителей и столько же осуждений в расчете на 1 млн человек (рис. 17). Это свидетельствует, видимо, о том, что 1990-е годы «дикого капитализма» были аномалией, а сейчас коллапс госинститутов 1990-х годов в значительной степени преодолен и общество вернулось к более или менее нормальному состоянию.

Эти показатели силы госинститутов в России пока все равно хуже показателей развитых стран, Восточной и Южной Азии, Ближнего Востока и Северной Африки, но лучше, чем в Латинской Америке и Черной Африке. Таким образом, институциональные предпосылки для быстрого экономического роста у нас лучше, чем у многих других стран.

Список литературы / References

- Попов В. В. (2011). Стратегии экономического развития. М.: Изд-во ГУ—ВШЭ. [Popov V. V. (2011). *Strategies of economic development*. Moscow: HSE Publ. (In Russian).]
- Попов В. В. (2012). Почему Запад разбогател раньше, чем другие страны, и почему Китай сегодня догоняет Запад? Новый ответ на старый вопрос // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3. С. 35—65. [Popov V. (2012). Why the West got rich before other countries and why China is catching up with the West today? New answer to the old question. *Zhurnal Novoi Ekonomicheskoi Assotsiatsii*, No. 3, pp. 35—65. (In Russian).]
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. (2001). The colonial origins of comparative development: An empirical investigation. *American Economic Review*, Vol. 91, No. 5, pp. 1369—1401.
- Arrighi G. (2007). *Adam Smith in Beijing: Lineages of the twenty-first century*. London: Verso.
- Åslund A. (2013). *Why growth in emerging economies is likely to fall*. Peterson Institute for International Economics Working Paper, November.
- Channing A., Jones S., Tarp F. (2010). Aid, growth, and development: Have we come full circle? *Journal of Globalization and Development*, Vol. 1, No. 2, pp. 1—29.
- Diamond J. (1997). *Guns, germs and steel: The fate of human societies*. N.Y.: W.W. Norton.
- Easterly W., Fisher S. (1995). The Soviet economic decline. *World Bank Economic Review*, Vol. 9, No. 3, pp. 341—371.
- Friedman E., Johnson S., Kaufmann D., Zoido-Lobato P. (2000). Dodging the grabbing hand: The determinants of unofficial activity in 69 countries. *Journal of Public Economics*, Vol. 76, No. 3, pp. 459—493.
- Gray K. (2013). Aid and development in Taiwan, South Korea, and South Vietnam. *WIDER Working Paper*. No. 2013/085.
- Hausmann R., Rodrik D., Velasco A. (2005). *Growth diagnostics*. Unpublished manuscript, Harvard University, Cambridge, MA.
- Jomo K. S., Popov V. (2015). *Income inequalities in perspective* (Extension of Social Security series, No. 46). Geneva: ILO.
- Landes D. (1998). *Wealth and poverty of nations. Why are some so rich and others so poor?* N.Y.: W.W. Norton.
- Maddison A. (2010). *The Maddison-project*: [WWW-page]. 2010 version. <http://www.ggdc.net/maddison/oriindex.htm>.
- Maddison A. (2013). *The Maddison-project*: [WWW-page]. 2013 version. <http://www.ggdc.net/maddison/maddison-project/home.htm>.
- Milanovic B. (2012). *Does economic inequality sets the limits to EU expansion?* Conference on Sovereign Insolvency, Opatija, November.

- Milanovic B., Lindert P. H., Williamson J. G. (2008). Pre-industrial inequality: An early conjectural map. Unpublished manuscript, Harvard University, Cambridge, MA.
- Mokyr J. (2002). *The gifts of Athena: Historical origins of the knowledge economy*. Princeton: Princeton University Press.
- Montes M., Popov V. (2011). Bridging the gap: A new world economic order for development. In: C. Calhoun, G. Derlyugian (eds.). *Aftermath. New global economic order*. N. Y.: NYU Press.
- Nayyar D. (ed.) (2013). *Catch up: Developing countries in the world economy*. Oxford: Oxford University Press.
- O'Campo J. A., Jomo K. S., Vos R. (2007). Explaining growth divergences. In: J. A. O'Campo, K. S. Jomo, R. Vos (eds.). *Growth divergences. Explaining differences in economic performance*. Hyderabad: Orient Longman.
- Polterovich V., Popov V. (2005). *Appropriate economic policies at different stages of development*. Unpublished manuscript, New Economic School, Moscow. <http://pages.nes.ru/vpopov/documents/STAGES-MAY-2005-English.pdf>.
- Polterovich V., Popov V. (2006). *Stages of development, economic policies and new world economic order*. Paper presented at the Seventh Annual Global Development Conference in St. Petersburg, Russia, January. <http://http-server.carleton.ca/~vpopov/documents/NewWorldEconomicOrder.pdf>.
- Pomeranz K. (2000). *The great divergence: Europe, China, and the making of the modern world economy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Popov V. (2007). Life cycle of the centrally planned economy: Why Soviet growth rates peaked in the 1950s. In: S. Estrin, G. W. Kolodko, M. Uvalic (eds.). *Transition and Beyond*. London: Palgrave Macmillan.
- Popov V. (2008). Lessons from the transition economies. Putting the success stories of the post-communist world into a broader perspective. *UNU/WIDER Research Paper*, No. 2009/15.
- Popov V. (2011a). Development theories and development experience. *CEFIR and NES Working Paper*, No. 153.
- Popov V. (2011b). Developing new measurements of state institutional capacity. *PONARS MPRA Paper*. No. 32389.
- Popov V. (2014). *Mixed fortunes: An economic history of China, Russia and the West*. Oxford: Oxford University Press.
- Ramo J. (2004). *The Beijing consensus*. London: The Foreign Policy Centre.
- Rodrik D. (2004). Getting institutions right. *CESifo DICE Report*, No. 2, pp. 10–15.
- Rodrik D., Subramanian A., Trebbi F. (2004). Institutions rule: The primacy of institutions over geography and integration in economic development. *Journal of Economic Growth*, Vol. 9, No. 2, pp. 131–165.
- Schneider F. (2007). Shadow economies and corruption all over the world: New estimates for 145 countries. *Economics* [On-line serial], No. 2007-9.
- Smith A. (1776). *An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations*. 1st ed. London: W. Strahan.
- Toye J. (1987). Development theory and the experience of development: Issues for the future. In: L. Emmerij (ed.). *Development policies and the crisis of the 1980s*. Paris: OECD, pp. 18–41.
- United Nations (2003). *Monterey consensus on financing for development*. N. Y.: United Nations Department of Public Information.
- United Nations (2010). *World economic and social survey 2010: Retooling global development*. N. Y.: United Nations Department of Economic and Social Affairs.
- United Nations (2014). *World economic and social survey 2014: Reducing inequality for sustainable development*. N. Y.: United Nations.
- Wallerstein I. M. (1979). *The capitalist world-economy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- World Bank (1993). *The East Asian miracle: Economic growth and public policy*. N. Y.: Oxford University Press.

- World Bank (1996). *World development report 1996: From plan to market*. N. Y.: Oxford University Press.
- World Bank (1997). *World development report 1997: The state in a changing world*. N. Y.: Oxford University Press.
- Wong R. B. (1997). *China transformed: Historical change and the limits of the European experience*. Ithaca: Cornell University Press.
-

Searching for New Sources of Growth. Are the Developing Countries Catching up with the Developed Ones?

Vladimir Popov

Author's affiliation: Russian Academy of National Economy and Public Administration; New Economic School (Moscow, Russia).
Email: vpopov@nes.ru.

This paper examines the trajectory of growth in the Global South. Before the 1500s all countries were roughly at the same level of development, but from the 1500s Western countries started to grow faster than the rest of the world and PPP GDP per capita by 1950 in the US, the richest Western nation, was nearly 5 times higher than the world average and 2 times higher than in Western Europe. Since 1950 this ratio stabilized – not only Western Europe and Japan improved their relative standing in per capita income versus the US, but also East Asia, South Asia and some developing countries in other regions started to bridge the gap with the West. After nearly half of the millennium of growing economic divergence, the world seems to have entered the era of convergence. The factors behind these trends are analyzed; implications for the future and possible scenarios are considered.

Keywords: convergence, divergence, per capita income, economic growth, institutional capacity of the state.

JEL: N00, O1, O40, O43, O47.